

Олег Проскурин

В надежде славы и добра

(«СТАНСЫ» ПУШКИНА В ПОСТДЕКАБРИСТСКОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ)

Oleg Proskurin

In hopes of glory and good will (Pushkin's «Stanzas» in the Political Context of the post-Decembrist era)

Олег Проскурин

Университет Эмори, Кафедра русского и восточно-азиатских языков и культур, приглашенный научный сотрудник
oprosku@emory.edu; proskurin.oleg@gmail.com.

Oleg Proskurin

Emory University, Department of Russian and East Asian Languages and Cultures. Visiting Research Fellow
oprosku@emory.edu; proskurin.oleg@gmail.com.

Ключевые слова: Пушкин, Николай I, декабристы

Keywords: Pushkin, Nicholas I, Decembrists

УДК: 821.161.1

DOI: 10.53953/08696365_2025_196_6_107

UDC: 821.161.1

DOI: 10.53953/08696365_2025_196_6_107

В статье уточняется семантика некоторых ключевых образов стихотворения Пушкина «Стансы» (1826): мятежи, казни, буйство, князь Долгорукий, незлопамятность. Прослеживается связь этих образов с политической мифологией, оформившейся после восстания декабристов. На основании политического анализа поэтического дискурса вносятся коррективы в традиционные представления о политической позиции Пушкина после 1825 года.

The article clarifies the semantics of several key images in Alexander Pushkin's poem «Stanzas» (1826): rebellions, executions, riots, and forgetfulness. It traces the connection between these images and the political mythology that took shape in Russia after the Decembrist uprising. Based on a political analysis of poetic discourse, corrections are made to traditional understandings of Pushkin's political position after 1825.

8 сентября 1826 года в Чудовом дворце Московского Кремля состоялась встреча вызванного из ссылки Пушкина с императором Николаем Павловичем. Беседа между ними длилась долго: то ли час, то ли два¹. Через три с половиной месяца после беседы с царем, в начале 20-х чисел декабря, была создана первая версия пушкинских «Стансов»². Вряд ли оформление окончательного текста стихотворения произошло много позже.

В 1822–1825 годах в политических воззрениях Пушкина произошли существенные перемены. Крах революций на юге Европы и гражданская война в Греции приводят его не только к разочарованию в перспективах представительного правления, но и к новому взгляду на законы истории вообще. Рационалистические по своей природе политические универсалии замещаются в его сознании представлением о «духе народов»; этот «дух», как полагает теперь Пушкин, и служит «источником нужд и требований государственных» и «ко-

1 Попытку реконструкции содержания этой беседы см. в кн: *Эйдельман Н.Я.* Пушкин: из биографии и творчества. 1826–1837. М.: Художественная литература, 1987. С. 9–64.

2 От нее до нас дошел правленный беловик трех неполных строф на обрывке листка, с пометой «22 декабря 1826 года Москва у Зуб<кова>».

ренных постановлений отечества»³. «Дух» же каждого народа и, соответственно, его государственные нужды и требования определяются особенностями многовековой национальной истории. В силу таких особенностей духу русского народа в наибольшей степени оказывается соответствующей самодержавная монархическая власть. Неудача декабрьского восстания только укрепила Пушкина в таком убеждении.

Признание абсолютизма выражением духа русского народа с неизбежностью предполагало обращение к личности Петра Первого. В изучении уроков Петровской эпохи, казалось, могли сойтись интересы монархической власти (создавшей культ Петра еще в первой половине XVIII века) и умеренных либералов-«европейцев». Так, Петр издавна привлекал внимание Николая Тургенева, который, по наблюдению исследователя, еще в 10-х годах, «создает своего рода “миф” о Петре I как либерале»⁴ и считает петровский путь преобразований оптимальным для России.

С большим вниманием к личности Петра относился и император Николай, с самого начала царствования несколько стилизовавший себя «под Петра». Примечательно, что сопоставление нового царя с Петром возникает в первые же месяцы царствования — сначала в разговорах, письмах, дневниках и т. п., а затем и в печати⁵. Совсем незадолго до завершения первой редакции «Стансов» в «Северной пчеле» были опубликованы два стихотворения, строившиеся на параллели «Петр — Николай»: «Чувства Русского в день всерадостного тезоименитства Государя Императора Николая Павловича» Платона Ободовского и «Кто Сей? (Опыт народной Русской Поэзии)» Федора Глинки⁶. Последнее стихотворение, имеющее программно-концептуальный характер, особенно примечательно. Судя по всему, оно не прошло и мимо внимания Пушкина.

Так что Пушкин, выстраивая в «Стансах» параллелизм двух монархов, не был оригинален. Оригинален он оказался в другом: в выборе и интерпретации *тематического материала*, связанного с этим параллелизмом.

Исторические источники Пушкина. Мятежи: страшный 1698 год

Когда Пушкин в 1830-х годах приступит к работе над «Историей Петра», он прочтет целую библиотеку по петровской теме, включая редкие печатные и даже рукописные материалы. Не так было в 1826 году. Познания Пушкина о Петре и петровском времени были тогда достаточно скромными и опирались на ограниченный круг источников.

-
- 3 Все эти понятия и категории использованы Пушкиным в записке «О народном воспитании», написанной в ноябре 1826 года по предложению Николая Первого и хронологически непосредственно предшествовавшей «Стансам».
 - 4 Парсамов В.С. Николай Тургенев // Тургенев А.И., Тургенев Н.И. Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 50. Подробнее о «петровском мифе» у Тургенева см.: Там же. С. 50–54.
 - 5 См. в этой связи: *Высочков Л.В.* Два императора: образ Петра Великого как идеологическая модель царствования Николая I // Русско-Византийский вестник. 2023. № 1 (12). С. 130–145 (с литературой вопроса).
 - 6 Северная Пчела. 1826. № 146. 7 дек.

Первые сведения о петровском царствовании Пушкин получил из лицейского курса по русской истории Ивана Кайданова⁷. С высокой степенью вероятности тогда же, в Лицее, Пушкин мог прочитать «Историю Российской Империи в царствование Петра Великого» Вольтера (представлявшую для молодого читателя особый интерес тем, что она была одним из немногих *легальных* зарубежных источников, позволяющих узнать о царствовании Петра больше, чем из сочинений российских авторов)⁸. В годы Михайловской ссылки (1824–1826) Пушкин познакомился в библиотеке села Тригорского с многотомными «Деяниями Петра Великого» (и, вероятно, с «Дополнениями» к ним) И. Голицына — обширным сводом материалов по истории петровского царствования⁹. В той же библиотеке Пушкин внимательно перечитал сочинения Ломоносова, в том числе незаконченную эпическую поэму «Петр Великий», соединяющую в себе качества литературного памятника и исторического источника¹⁰.

Преимущественно из этих ресурсов (к которым следует добавить еще и «устное предание») Пушкин черпал сведения о тех событиях петровского времени и о тех свойствах личности Петра, которые так или иначе будут затронуты в «Стансах».

Первые в ряду таких событий — мятежи и казни, мрачившие начало славных дней Петра.

Еще по лекциям Кайданова Пушкин знал, что царствование Петра «омрачили» три стрелецких бунта. Первый случился в 1682 году, при восшествии юного Петра на престол, второй — в 1689 году (т. н. заговор Щекловитого — когда Петру пришлось бежать из с. Преображенского в Троицкий монастырь; в материалах к «Истории Петра» Пушкин саркастически добавит: «Гордон говорит: без штанов»¹¹), третий — в 1698 году, когда четыре стрелецких полка,

-
- 7 Курс по истории России Кайданов впервые издал только в конце 20-х годов. Изложение исторических событий до периода «смутного времени» было в нем ориентировано на «Историю Государства Российского» Карамзина. «Новая история» (то есть период, до которого Карамзин не дошел), в том числе большой раздел о Петре Первом, надо думать, были ближе по своему содержанию к тому курсу, который читался лицеистам в 1810-х годах.
 - 8 В библиотеке Царскосельского Лицея имелись по меньшей мере два Полных собрания сочинений Вольтера, в состав которых вошла и «История Российской империи в царствование Петра»: кильское (1785–1789) и базельское (1787–1789). В настоящее время в Библиотеке Уральского университета сохранились первый том кильского и 14 разрозненных томов базельского издания. См.: Библиотека Императорского Царскосельского (Александровского) лицея в Екатеринбурге. Т. 2. Ч. 2. I–Z: Западноевропейские издания, опубликованные до 1800 года. Из собрания отдела редких книг Зональной научной библиотеки Уральского федерального университета / Под общ. ред. О.М. Кадочиговой. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2021. С. 412–416.
 - 9 *Семевский М.И.* Прогулка в Тригорское // *Любовный быт пушкинской эпохи* / Комментар. И.С. Зильберштейна. М.: Современник, 1999. С. 12.
 - 10 В начале XX-го века, когда библиотеку Тригорского получил возможность просмотреть и описать Б.Л. Модзалевский, там сохранились только два тома «Полного собрания сочинений» Ломоносова, содержащих естественнонаучные сочинения, то есть наименее интересные для читателя-неспециалиста (т. III и IV). См.: [Модзалевский Б.Л.] Каталог библиотеки села Тригорского // *Пушкин и его современники: Материалы и исследования*. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1903. Вып. 1. С. 19. Не приходится сомневаться, что в эпоху Пушкина в библиотеке имелся полный комплект.
 - 11 *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1938. Т. 10. С. 21.

стоявшие на литовской границе, покинули свой лагерь, двинулись на Москву и были разбиты регулярными войсками под Волоколамским монастырем¹².

Исследователи, пытающиеся приурочить пушкинское высказывание о «мятежах и казнях» к конкретному историческому времени, сходятся в том, что Пушкин усматривал аналогии между началом царствования Николая и *третьим* стрельцким бунтом, произошедшим в 1698 году¹³.

Но действительно ли у нас есть основания говорить об «аналогии» между событиями 1825 и 1698 годов? На этот счет сразу возникает много сомнений. Прежде всего, этот бунт произошел в отсутствие Петра, который почти полтора года находился за границей в составе «Великого посольства». Непосредственной угрозы его жизни бунт не представлял. Между тем одной из важнейших частей «николаевского мифа» было личное присутствие и личное участие Николая в событиях, угрожающих и государю, и государству¹⁴. Ко времени третьего стрельцкого бунта Петр уже шестнадцать лет пребывал на престоле, успев осуществить за это время немало реформ: все историки соглашались в том, что основанием бунта была *реакция* на преобразования, в частности военные (так, согласно Кайданову, причиной ожесточения и возмущения стрельцов стало «предпочтение, каковое Петр оказывал пред ними регулярным своим войскам»¹⁵). Николай же ко времени мятежа 14 декабря еще и не приступил к своим царским обязанностям: ни о какой реакции на преобразования здесь речи быть не могло. Иными словами, основания для сравнения (тем более — уравнивания) двух мятежей довольно зыбкие.

Приходится признать, что едва ли не единственным (и определенно — главным) основанием для обнаружения в «Стансах» параллели между восстанием декабристов и третьим стрельцким бунтом стали упомянутые в стихотворении казни.

Между тем казни 1698 года, в которых принимал личное участие спешно вернувшийся из Европы Петр, составляют одно из самых мрачных пятен на его царствовании (и на истории всей династии Романовых). Самую память об этих казнях власти стремились всячески затемнить, если не вовсе истребить: книги европейцев, оказавшихся свидетелями событий страшного года, в России были запрещены еще при жизни Петра, а иные продолжали находиться под запретом и при жизни Пушкина.

Даже Кайданов в своем курсе русской истории, многократно употребляя слово «ужас» и производные от него («Началось ужасное следствие...»), умалчивает о методах «ужасного следствия» и весьма обтекаемо говорит о его результатах:

-
- 12 Голиков сообщает: «...по свидетельству историков, убито их на месте и в погоне до 4000 человек; остальные вынуждены были положить оружие и просить милости» (Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Ч. 1. М., Университетская типография, у Н. Новикова, 1788. С. 327).
- 13 Сидяков Л.С. Примечания // Стихотворения Александра Пушкина / Изд. подг. Л.С. Сидяков; отв. ред. Ю.М. Лотман, С.А. Фомичёв. СПб.: Наука, 1997. С. 541; Соловьев П.К. Николай I и «петровская легенда» // Освободительное движение: Межвузовский сб. Научных трудов. Вып. 18. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2000. С. 53 и др.
- 14 См.: Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. I. М.: ОГИ, 2002. С. 352–354.
- 15 Кайданов И. Начертание истории Государства Российского <...> Изд. 2, испр. СПб.: У книгопродавца Ивана Сленина, 1830. С. 248.

Наконец участь преступников была решена: в течение целого Октября лилась кровь их в селе Преображенском и на площадях Московских. Несмотря ни на ужас Москвы, ни на просьбы и ходатайство Патриарха, Петр почитал милосердие в сем случае несправедливостию. Посему никто из преступников не остался в живых¹⁶.

Лишь Вольтер, писавший для Европы, не мог вполне умолчать о некоторых деталях стрелецких казней, подробности которых уже были знакомы европейскому читателю:

Насколько велико было преступление, настолько велико было и наказание. Их предводители, многие офицеры и несколько священников были приговорены к смерти; некоторых колесовали, двух женщин живыми закопали в землю. Две тысячи стрельцов были повешены на городских стенах или казнены иными способами. Их тела в течение двух дней были выставлены у больших дорог, в особенности же вокруг монастыря, в коем были помещены государыни Софья и Евдокия¹⁷.

Впрочем, в устном предании память о «страшном 1698 годе» (выражение Пушкина в материалах к «Истории Петра») сохранялась прочно.

Николай Первый как милосердный государь

В 1826 году сопоставлять репрессии, следовавшие за восстанием декабристов, с последствиями стрелецкого бунта 1698 года было совершенно невозможно. И не только потому, что масштабы репрессий действительно были несопоставимы, но в особенности потому, что одной из доминант официального политического нарратива «постдекабристской» эпохи стала разработка образа императора Николая как милосердного монарха.

Уже в «Подробном описании происшествия, случившегося в Санкт-Петербурге 14-го декабря 1825 года», опубликованном за подписью генерал-адъютанта А.Н. Потапова, внимание читателя фокусировалось на милосердии, проявленном государем по отношению к нижним чинам («неволью в сию пропасть завлеченным»): Николай Павлович удостоил *всемилостивейшего прощенья* рядовых Гвардейского экипажа; *оказал милосердие* Лейб-гвардии Гренадерскому полку; *всемилостивейше прощен* был и Лейб-гвардии Московский полк¹⁸.

Акты царского милосердия имели чисто пропагандистский характер (почти все «прощенные» вскоре будут отправлены на Кавказ, в зоны боевых действий), но задавали модель для соответствующих интерпретаций. Интерпретации не замедлили явиться. Федор Глинка в стихотворении «Чувство русского, при наступлении 1826 г.» выделяет *милосердие* как главное качество нового

16 Кайданов И. Начертание истории Государства Российского. С. 249

17 Voltaire F.-M.A. Histoire de l'empire de Russie, sous Pierre Le Grand; divisée en deux parties // Oeuvres complètes de Voltaire. Т. 27. [Kehl]: De l'Imprimerie de la Société littéraire-typographique, 1785. P. 153.

18 См.: Политические процессы Николаевской эпохи. Декабристы. Тайные общества. Процессы Колесникова, бр. Критских и Раевских. М.: Издательство М.В. Саблина, 1907. С. 41–42. Курсивом выделяем подлинные формулировки.

государя, внушающее надежду на великое и светлое будущее России, скорбящей после смерти Александра Павловича:

Но Бог возвел младого Николая
На древний трон Его Отцов!
И прояснил Он наших душ унылость:
Привет в Его устах; в Его душе — любовь,
И на челе, как день, светлеет Милость!...¹⁹

К середине 1826 года тема милосердия выдвинется на первый план в официальных текстах, связанных со следствием и судом над членами Тайного общества. В ответ на Доклад Верховного уголовного суда высочайшим указом от 10 июля 1826 года было предписано преступникам всех разрядов «казни и наказания смягчить». Верховный уголовный суд, «сообразуясь с высокомонаршим милосердием», в свою очередь заменил четвертование повешением для пяти преступников, поставленных вне разрядов²⁰.

22 августа 1826 года, ко дню коронации, были обнародованы именные указы Сенату и начальнику Главного штаба, сокращающие сроки каторги, ссылки и солдатской службы почти для всех осужденных («желая в сей торжественный для Нас и России день облегчить еще более жребий сих преступников»)²¹. 1 сентября 1826 года правитель канцелярии Третьего отделения М. фон Фок удовлетворенно доносил своему шефу А.Х. Бенкендорфу о реакции столичного общества на именные указы 22 августа: «Повеления, изданные с целью смягчить суровость законов относительно лиц, осужденных по приговору верховного уголовного суда, производят такое благоприятное впечатление, что даже недовольные должны сознаться, что великодушие Государя превзошло все ожидания»²².

Итак, с первых же дней после победы над мятежом и почти до самого приезда Пушкина в Москву в общественное сознание целенаправленно и последовательно внедрялся образ Николая как государя не только справедливого, но и исключительно великодушного и милосердного. Пушкин не мог этого обстоятельства не учитывать. В актуальном контексте уподобление многократных «милостей», облегчающих наказания заговорщикам и мятежникам 1825 года, жестоким массовым казням 1698 года вступало бы в резкое противоречие с творимым политическим мифом о Николае. Вряд ли у самого адресата «Стансов» подобное сопоставление могло бы вызвать какие-либо чувства, кроме недоумения и негодования (на что Пушкин явно не рассчитывал). Николай Павлович, однако, отнесся к «Стансам» вполне благосклонно, одобрив их к печати без каких-либо оговорок.

Это означает, что параллели с бунтом 1698 года и последовавшим за ними казнями царь в пушкинских стихах не увидел.

19 Северная Пчела. 1826. № 1. 2 января.

20 Полное собрание законов Российской Империи <...> Собрание второе. Том I: С 12 декабря 1825 по 1827. СПб.: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 769–772.

21 Там же. С. 900–901.

22 Петербургское общество при восшествии на престол императора Николая по донесениям М.М. Фока — А.Х. Бенкендорфу / Пер. с французского // Русская старина. 1881. Т. XXXII. Октябрь. С. 333.

1825 и 1682: мятежи в условиях династического кризиса

Судя по всему, Николай увидел здесь нечто иное — именно то, что и подразумевал, по всей вероятности, Пушкин: сопоставление обстоятельств мятежа 14 декабря не с *последним*, а с *первым* стрельцким бунтом, ознаменовавшим восхождение на престол Петра Великого.

Из доступных ему источников Пушкин знал об обстоятельствах этого мятежа примерно следующее. По смерти бездетного царя Федора Алексеевича (последовавшей 27 апреля 1682 года) претендентами на престол оказались два его брата (сыновья царя Алексея Михайловича от разных жен) — Иван и Петр. Ожидалось, что престол перейдет к старшему, Ивану, однако царем был провозглашен младший из братьев, Петр. Случилось это в результате победы одной из двух противоборствующих придворных партий, но в русской историографической традиции воцарение Петра объяснялось исполнением воли покойного государя Федора Алексеевича. Особенно чеканно положение об этом было сформулировано не в собственно историческом, а в поэтическом сочинении — поэме М.В. Ломоносова «Петр Великий». Об обстоятельствах обретения власти здесь сообщает сам Петр:

Перед кончиною мой старший брат, признав,
Что средний в силах слаб и внутренне не здрав,
Способность предпочел естественному праву
И мне препоручил Российскую державу²³.

Голиков излагает события хотя и пространнее, со ссылками на разные источники, но почти в полном соответствии с Ломоносовым (используя даже его фразеологию)²⁴.

Однако против исполнения воли покойного государя выступила единокровная сестра Петра, властолюбивая царевна Софья Алексеевна (как и Иван, рожденная от первой жены Алексея Михайловича). Под руководством Софьи был составлен заговор, целями которого (как их обозначал Голиков) было «возвести на престол Царевича Иоанна и, по неспособности его к правлению, быть под именем Его Самодержавною Царицею», царя же Петра Алексеевича «лишить престола отдалением его, или отнятием и самая жизни Его»²⁵.

Заговор планировалось осуществить при опоре на стрельцкое войско. Боярин Милославский, один из сподвижников Софьи и руководителей заговора, «тайными плевелами удержал московских Стрельцов <...> от присяги Царю Петру Алексеевичу». Между стрельцами был пущен слух, «что Бояре отняли корону у законного наследника престола, Царевича Иоанна, вруча оную меньшому брату...»²⁶. Разъяренные стрельцы устремились в Кремль, чтобы вырвать Ивана и отомстить боярам...

23 Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. VIII. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1959. С. 707–708.

24 Голиков И.И. Деяния Петра Великого. Ч. 1. С. 149.

25 Там же. С. 154.

26 Там же. С. 155.

Нетрудно заметить, что «начало дней Петра», каким оно изображалось в исторических и в поэтических сочинениях, обнаруживает разительную параллель с обстоятельствами воцарения Николая Павловича, как они изображались в официальных публикациях — от первых манифестов до «Донесения Следственной Комиссии».

После отказа от короны Константина Павловича, которому уже была принесена всеобщая присяга, обнаружится манифест покойного государя Александра Павловича, согласно которому власть передается младшему брату. Этот акт вызывает сомнение и создает почву для действий заговорщиков, намеревающихся лишить Николая Павловича престола, либо вынудив его отречься, либо устранив его физически. Для достижения своих целей организаторы заговора решают «обмануть часть войск и народ уверить, что великий Князь Константин Павлович не отказался от Престола, и возмущив их под сим предлогом, воспользоваться смятением для испровержения порядка и Правительства»²⁷. Обманутые войска со знаменами и с оружием выходят на Сенатскую площадь...

Параллель между обстоятельствами двух воцарений и сопутствующих им мятежей действительно весьма наглядна и выразительна.

Злодеяния мятежных стрельцов: беззаконные казни

Однако стрельецкий мятеж 1682 года, начавшийся почти так же, как мятеж 1825 года, закончился иначе: мятежники добились почти всех своих целей; никаких наказаний за мятежом не последовало. Как же может выступать первый стрельецкий бунт параллелью к событиям начала николаевского царствования при отсутствии казней?.. Никто из комментаторов не мог предположить, что у Пушкина речь могла идти о *других* казнях: тех, в которых сами мятежники выступали в роли не жертв, а палачей.

Вернемся в московский Кремль 1682 года. Не только зарубежные, но и русские авторы описывали первый стрельецкий бунт (в отличие от событий 1698 года) детально, не скупясь на подробности. Вот что примерно мог слышать о действиях ворвавшихся в Кремль мятежных стрельцов Пушкин-лицеист на лекциях Кайданова:

Начальник Стрельцов, *Князь Долгорукий*, хотел усмирить мятежников; но они схватили его, и с диким хохотом сбросили с крыльца; стоявшие внизу Стрельцы подхватили его на копья, и разрубили на части секирами. Сие подало сигнал к дальнейшему кровопролитию, во время коего жертвами ярости Стрельцов соделались: знаменитый Боярин Матвеев, Стольник Салтыков, Афанасий Нарышкин и осмидесятилетний отец убитого Долгорукого со многими другими Боярами²⁸.

Голиков (которого во многом и пересказывает Кайданов) описывает в «Деяниях...» зверства бунтовщиков еще более подробно, приводя длинный список жертв стрельецких неистовств²⁹. Подробно излагает ход мятежа и Вольтер

27 Донесение Следственной Комиссии. СПб.: В Военной типографии Главного штаба Его Императорского Величества, 1826. С. 62.

28 Кайданов И. Начертание истории Государства Российского. С. 233

29 Голиков И.И. Деяния Петра Великого Ч. 1. С. 158.

(пользовавшийся присланными ему материалами, подготовленными Ломоносовым). При этом совершенные стрельцами убийства он вполне определенно именуется *казнью* (execution horrible): «Сия ужасная казнь окончилась тем, что царями были провозглашены оба царевича — Иван и Петр, а их сестра София сделалась соправительницею»³⁰.

Но важнее, чем Вольтер, оказались для Пушкина посвященные первому стрелецкому бунту русские *поэтические сочинения*, составляющие литературный фон, а в некоторых отношениях выступающие как прямой источник «Стансов». В этих сочинениях слово «казнь» (неизменно рифмующееся со словом «боязнь») устойчиво использовалось для обозначения злодейств мятежных стрельцов.

Основополагающая роль здесь принадлежит Ломоносову. Подробно описав в Первой песни «Петра Великого» неистовства мятежников и рассказав о первых жертвах их злодеяний, Ломоносов подводит мрачные итоги:

Коль много после них не винно пострадали;
С Царицыных очей злодеи дерско брали,
На незаконную влекли бесчестно казнь!
Скончался лютый день, осталася боязнь³¹.

Ломоносовская фразеология была усвоена русской поэтической традицией, обращавшейся к соответствующей тематике. Так, в стихотворной «русской повести» «Царица Наталия Кирилловна» Сергей Глинка (брат Федора) перечисляет бояр, готовых умереть за Петра от рук мятежных стрельцов:

Там Долгорукие решились умереть,
Там Шереметевы готовы претерпеть
Для Бога, для Царя мучение и казни;
Там Долгорукий Князь чуждается боязни...³²

Александр Грузинцев, описывая в своей «Петриаде» начало первого стрелецкого мятежа, в свою очередь использует соответствующую лексику и воспроизводит «ломоносовскую» рифмовку:

Нарышкиных велят злодеи выдавать,
Иль угрожают все, жечь, грабить и терзать.
Князь Долгорукий, зря творимы нагло казни,
Является пред сонм злодейский без боязни...³³

Пушкин явно ориентируется на эту традицию. Используя в первой строфе «Стансов» ломоносовскую лексику и ломоносовские рифмы³⁴, он как бы отсылает к соответствующему контексту и активизирует соответствующий семантический ряд.

30 Oeuvres complètes de Voltaire. Т. 1. Р. 104.

31 Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. VIII. С. 712

32 Глинка С.Н. Царица Наталия Кирилловна (sic). Русская повесть в десяти песнях. М.: В типографии Платона Бекетова, 1809. С. 119–120.

33 Грузинцев А. Петриада: Поэма эпическая. СПб.: В Императорской типографии, 1812. С. 16.

Восстание 1825 года и его жертвы

Итак, казни, мрачившие начало славных дней Петра — это не жестокий ответ власти на стрелецкий мятеж, а жестокие действия самих мятежников.

Такое понимание семантики пушкинского текста заставляет совершенно по-новому осмыслить заложенные в первых строфах «Стансов» параллели истории с современностью.

В «исторической памяти», культивировавшейся последние полтора века, события 14 декабря 1825 года превратились в некое подобие «кровавого Воскресенья»: в жестокий расстрел мирной демонстрации правительственными войсками. Совершенно иначе виделись они современникам, причем не только представителям правительственной стороны, но и наблюдателям из разных лагерей.

Уже в высочайшем Манифесте 19 декабря 1825 года главным «средством» для достижения заговорщиками политических целей объявлялось «убийство». Соответственно и сами события на Сенатской площади описывались как череда убийств или предпринятых мятежниками покушений на убийство:

Первою жертвою злоумышленников был военный генерал-губернатор Милорадович; тот, кого судьба войны на бранном поле в пятидесяти сражениях пощадила, пал от руки гнусного убийцы. Другие жертвы принесены были в то же время: убит командир Лейб-Гвардии Гренадерского полка Стюрлер; тяжело ранены генерал-майор Шеншин, генерал-майор Фридрихс и другие, кровию своею запечатлевшие честь и верность своему долгу³⁵.

В «Донесении Следственной Комиссии» изображение злодеяний бунтовщиков дополнилось многочисленными кровавыми подробностями, которые без особых изменений могли бы войти в описание стрелецких «неистовств» у Голикова³⁶.

Жестокость действий мятежников, казавшаяся избыточной и немотивированной³⁷, запомнилась многим современникам. Т.В. Андреева, детально исследовавшая дневниковые и мемуарные отклики на выступление 14 декабря, имела основания суммировать: «...почти все авторы дневников и мемуаров концентрируют свое внимание на военно-террористическом характере “бун-

34 Заметим, что «ломоносовской» здесь оказывается не только рифма «боязни — казни», но и «добра — Петра». Ср. в Первой песни «Петра Великого»: *Ни злости не страшусь, ни требую добра; // Не ради вас пою: для правды, для Петра (Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. VIII. С. 707)*. Вообще о ломоносовских подтекстах «Стансов» см.: *Осват К.А. Об «одическом диптихе» Пушкина: «Стансы» и «Друзьям» (материалы к интертекстуальному комментарию) // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999: Материалы и исследования / Под ред. Д.М. Бетеа, А.Л. Освата, Н.Г. Охотина, Л.С. Флейшмана. М.: ОГИ, 2001. С. 133–142.*

35 Политические процессы Николаевской эпохи. Декабристы. С. 37.

36 См., например, рассказ о действиях Щепина-Ростовского при выходе на Сенатскую площадь Московского полка: *Донесение Следственной Комиссии. С. 77.*

37 По подсчетам исследователя, 14 декабря «всего с правительственной стороны убито и смертельно ранено 6 человек и ранено 36 человек», в том числе: убиты 1 генерал и 1 полковник, ранены 2 генерала, 2 полковника и 3 обер-офицера. См.: *Габаев Г.С. Гвардия в декабрьские дни 1825 года: Военно-историческая справка // Пресняков А.Е. 14 декабря 1825 года. С приложением военно-исторической справки Г.С. Габаева «Гвардия в декабрьские дни 1825 года». М.; Л.: Государственное издательство, 1926. С. 191).*

та”, более всего останавливаясь на ранениях П.А. Фредерикса, В.Н. Шеншина, М.А. Милорадовича»³⁸.

Проекция первой строфы находят своеобразное развитие во второй строфе «Стансов». Здесь стрельцы именуется «буйными» («буйный стрелец»). Выбранный Пушкиным эпитет имеет своего рода цитатный характер. Еще Д.Д. Благой пронизательно отметил, что «буйство» — слово, отсылающее к характеристике стрельцов в ломоносовском «Петре Великом»: «...у Ломоносова на разные лады говорится о “буйстве”, “буйности”, “буйстве” стрельцов»³⁹. Это совершенно верно⁴⁰; следует только подчеркнуть, что все эти характеристики относятся у Ломоносова к *первому* стрелецкому бунту (1682 года). Благой, однако, не отметил (и по условиям времени не мог отметить) еще одного обстоятельства, которое и придавало пушкинским стихам острую семантическую двупланность: «буйство» — ключевое слово, использовавшееся в официальном нарративе при характеристике мятежа и мятежников 14 декабря 1825 года.

В «Подробном описании...» «буйство» упоминается в первой же фразе и будет повторяться (с вариациями) на протяжении всего текста: «...несколько рот лейб-гвардии отказались от должной Его Императорскому Величеству присяги и, завлеченные буйством своих капитанов, овладели знаменами...»; «...*буйство* их примерно возрастало, к шайке прибыли разные толпы лейб-гвардии Гренадерского полка солдат с тремя офицерами...», «...они уже вышли на площадь против сената и при них находится толпа разных людей в самом *буйственном* виде...»⁴¹. В «Донесении Следственной Комиссии» «буйство» превращается в обобщающую характеристику всего мятежа 14 декабря: «Комиссия почитает ненужным описывать все происшествия сего дня, означенного *буйством* немногих и знаками общего усердия, нелегитимной преданности к Престолу...»⁴².

Таким образом, мы вправе заключить, что смысл первых двух строф «Стансов» вовсе не тот, который в нем традиционно вычитывался интерпретаторами и комментаторами (начало царствования Петра мрачили мятежи; Петр отвечал на них казнями, но впоследствии искупил свою вынужденную жестокость многообразными полезными делами на благо отечества). Смысл их иной. Жестокость передана мятежникам; жестокость Петра (как и вызвавший ее бунт 1698 года) осталась за пределами художественного пространства «Стансов». Петр отвечает на неистовства буйных стрельцов не суровыми репрессиями, а утверждением правосудия, распространением просвещения, умелым выбором сотрудников. Тем самым он привлекает к себе сердца россиян и смягчает их суровые нравы. Разумеется, все это весьма далеко от реальных действий императора Петра; в этом отношении нарисованный в «Стансах» образ не историчен, а мифологичен. Но Пушкину и нужен был именно политический миф о царе Петре — для того, чтобы прочертить путь, которым надлежит следовать царю Николаю.

38 Андреева Т.В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб.: Лики России 2009. С. 791.

39 Благой Д.Д. Творческий путь Пушкина (1826–1830). М.: Советский писатель, 1967. С. 128.

40 Ср.: Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. VIII. С. 709, 710, 714

41 Политические процессы Николаевской эпохи. Декабристы. С. 38–39. (Курсив всюду наш. — О.П.).

42 Донесение Следственной Комиссии. С. 79.

Яков Долгорукой и Николай Тургенев

Семантический центр второй строфы — противопоставление «буйного стрельца» и Долгорукова. Речь идет о князе Якове Федоровиче Долгорукове (Долгоруком), видном сотруднике Петра Первого. Поэзия и публицистика XVIII века прочно утвердили его в роли идеального администратора-гражданина — неизменно пекущегося о благе России, независимого, правдивого, смелого, дерзающего оспаривать самого царя, иногда с риском для собственной жизни.

Пушкин мог почерпнуть немало сведений о Долгорукове в сочинениях Голикова, особенно в «Дополнениях к Деяниям Петра Великого». Собранные и обнародованные Голиковым анекдоты о Петре и Долгорукове строятся по сходной модели: государь — по недоразумению или по наущению корыстных вельмож — принимает неверное решение (чаще всего в экономической сфере); Долгоруков с ним не соглашается; царь приходит в гнев, но Долгоруков остается непреклонным, объясняя свою дерзость радением о государственном интересе. Петр в итоге признает правоту Долгорукова и благодарит его⁴³.

Итак, Петр умеет отличать смелого до дерзости государственного мужа от буйных мятежников, — таков смысл введения образа Долгорукова в «Стансы». Но поскольку стихотворение Пушкина двупланно и буйные стрельцы соотносятся в нем с буйными мятежниками 14 декабря, то и ценимый Петром смелый Долгоруков должен иметь параллель («двойника») в современности. О том, кого подразумевал в этой роли Пушкин, свидетельствует написанная по царскому заказу в ноябре 1826 года записка «О народном воспитании» — то ее место, где отстаиваются преимущества европейского университетского образования перед домашним:

Мы видим, что Н. Тургенев, воспитывавшийся в Геттингенском унив.ерситете, не смотря на свой политический фанатизм, отличался посреди буйных своих сообщников нравственностью и умеренностью — следствием просвещения истинного и положительных познаний⁴⁴.

Значимость появления здесь Николая Тургенева трудно переоценить⁴⁵. Несомненно, именно это место своей записки в первую очередь имел в виду Пушкин, когда в разговоре с А.Н. Вульфом (16 сентября 1827 года) заметил: «Мне бы легко было написать то, чего хотели, но не надобно же пропускать такого случая, чтоб сделать добро»⁴⁶.

43 Некоторые из сообщенных Голиковым анекдотов были верифицированы Абрамом Петровичем Ганнибалом, прадедом поэта (см.: *Голиков И.И.* Дополнение к Деяниям Петра Великого. Т. 17. М.: Университетская типография, 1796. С. 188). Этот факт должен был для Пушкина увеличить их интерес.

44 *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 11. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1949. С. 45.

45 Фрагмент о Тургеневе был вписан Пушкиным в готовую «подносную» писарскую рукопись, предназначенную для чтения Николаем Первым. Как заметил исследователь, «сам вид этой “вставки” показывал, что поэт придает ей большое значение и рискует ради одного примера “испортить” должный порядок и красоту рукописи, поданной на высочайшее имя» (*Эйдельман Н.Я.* Пушкин: Из биографии и творчества. 1826–1837. С. 104).

46 Любовный быт пушкинской эпохи. С. 88.

Параллелизм между соответствующими местами «Записки о народном воспитании» и «Стансов» (И был от буйного стрельца / Пред ним отличен Долгорукой) отмечен давно, но при этом он трактовался в специфическом ключе: образ Долгорукого будто бы «обобщал» фигуры Тургенева и других осужденных декабристов⁴⁷. С таким выводом согласиться невозможно.

Роль Н.И. Тургенева в интеллектуальной биографии Пушкина трудно переоценить. Он «был несомненно одним из политических учителей Пушкина»⁴⁸. Центральные политические стихотворения Пушкина конца 1810-х годов, его историко-публицистические «Заметки о русской истории» и т. п. — все эти тексты окрашены мощным тургеневским влиянием.

В 1819 году Тургенев, занимавший видную административную позицию, вступил в тайное общество, но впоследствии от него отошел. С 1824 года Тургенев находился в заграничном отпуске на лечении. Там и застало его известие о восстании 14 декабря (а затем и о мятеже Черниговского полка). На суд он не явился и в Россию не вернулся, несмотря на большие усилия властей в этом направлении⁴⁹.

Тактика самооправдания Николая Тургенева и позиция Пушкина

Давно отошедший от активного участия в деятельности тайных обществ, Тургенев был потрясен привлечением к суду и выдвинутыми против него обвинениями. Он искренне считал себя невиновным и при активной поддержке старшего брата Александра вступил в своеобразную политико-юридическую переписку с властями. Плодом ее оказалось несколько т. н. оправдательных записок⁵⁰.

В первой оправдательной записке (привезенной Александром Тургеньевым в Россию в мае 1826 года и через него представленной Верховному суду) Тургенев, во-первых, утверждал, что само тайное общество, к которому он принадлежал, — в сущности, фикция, что-то вроде дискуссионного клуба: «...устроенного общества, с определенною целью, с определенными средствами действовать к достижению известной цели, не было»⁵¹. Его же личное участие в обществе сводилось к разговорам о разных политических предметах и к попыткам пропагандировать среди членов необходимость «уничтожения крепостного состояния». В случившемся мятеже общество невиновно. Те члены

47 *Благой Д.Д.* Творческий путь Пушкина (1826–1830). С. 136

48 *Шебунин А.Н.* Пушкин по неопубликованным материалам архива братьев Тургеньевых // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. [Вып.] 1. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1936. С. 197.

49 На ложный слух о том, что Тургенев якобы выдан Британией и на корабле следует в Россию, Пушкин, как известно, откликнулся горькими стихами в письме Вяземскому («Так море, древний душегубец...»).

50 Сводку данных о них см. в содержательном комментарии к изданию: *Тургенев Н.И.* Россия и русские / Пер. с франц. и ст. С.В. Житомирской; коммент. А.Р. Курилкина. М.: ОГИ, 2001. С. 655.

51 Восстание декабристов. Документы. Т. XV: Дела Верховного уголовного суда и Следственной комиссии / [Подгот. А.И. Аксенов и А.В. Семенова]; под ред. М.В. Нечкиной. М.: Наука, 1979. С. 271.

общества, которые участвовали в событиях 14 декабря, руководствовались, по утверждению Тургенева, не программой общества, а единственно их собственной волей: общество не возлагало на них обязанность «бунтовать и резать». Тургенев продолжает: «Новым доказательством сему служит и то, что те, кои наиболее участвовали в возмущении, к обществу не принадлежали, и собственная, индивидуальная воля и была для них единственно побудительною причиною»⁵².

Следовательно, осуждать Николая Тургенева за одну принадлежность к обществу (не имевшему ни определенной структуры, ни программы) и за политические разговоры, никак не связанные с мятежными действиями, нет оснований. Вся его деятельность в обществе (дискуссионном клубе) руководствовалась только благими намерениями⁵³.

Мы не располагаем прямыми свидетельствами знакомства Пушкина с первой оправдательной запиской Тургенева, но есть основания заключить, что ее основные положения Пушкину были известны: в 1826 году он возвращался в том московском кругу, который был вполне посвящен в дело Тургенева и брал в его судьбе ближайшее участие⁵⁴.

В свете тургеневской позиции становятся ясны основания концепции и пушкинской «Записки о народном просвещении», и пушкинских «Стансов», которые — почти совершенно как тургеневская оправдательная записка — строятся на последовательном *разделении* и *противопоставлении* буйных мятежников, запятнавших себя кровопролитием, и бескорыстного смелого патриота.

Но если в пушкинской «Записке о народном воспитании» линия защиты Тургенева и отделения его от мятежников проведена достаточно осторожно (с продиктованными требованиями жанра оговорками относительно «политического фанатизма» героя), то в «Стансах» Пушкин идет дальше. Долгорукой — не только независимый политик, бесспорно лояльный режиму; он — ближайший помощник Петра. Последний не только прощает Долгорукому его смелую до дерзости критику, но и рассматривает его как важнейшую опору своей государственной деятельности и своих преобразований. Отводя роль Долгорукого Николаю Тургеневу, Пушкин как бы ожидал соответствующего отношения к нему и со стороны императора Николая.

Но были ли у подобных ожиданий хоть малейшие основания?

52 Там же. С. 279.

53 Даже после обнародования Донесения Следственной Комиссии Тургенев (в общем) продолжал придерживаться прежней линии и настойчиво противопоставлял цели и задачи Общества действиям мятежников 14 декабря (см. письмо Александру и Сергею Тургеневым от 21 августа 1826 года: Архив братьев Тургеневых. Вып. 6. Переписка Александра Ивановича Тургенева с кн. Петром Андреевичем Вяземским. Т. 1. 1814–1833 годы. Под ред. и с прим. Н.К. Кульмана. Петроград: Российская государственная академическая типография, 1921. С. 386).

54 В донесении от ноября 1826 года полковника жандармского полка И.П. Бибикова к Бенкендорфу о Пушкине сообщалось: «Дома, которые он наиболее часто посещает, суть дома <...> князя Вяземского (поэта), бывшего министра Дмитриева и прокурора Жихарева». (Модзалевский Б.Л. Пушкин под тайным надзором // Модзалевский Б.Л. Пушкин и его современники: Избранные труды (1898–1928) / Сост. и примеч. А.Ю. Балакина. СПб.: Искусство-СПБ, 1999. С. 103. Подлинник по-французски). Это дома «арзамасцев», теснейшим образом связанных с Тургеневыми.

Ожидание реформ и дефицит кадров как основание для надежд

Даже после оглашения приговора (причислившего его к первому разряду преступников) Тургенев не оставляет надежд оправдаться и начинает — при живейшем сотрудничестве брата Александра и находящегося за границей Жуковского — работать над *Второй* оправдательной запиской⁵⁵. А. Шебунин высказал в этой связи вполне убедительное, хотя и осторожно сформулированное предположение:

...работая над второй оправдательной запиской, Тургенев при всем сознании безнадёжности своего положения, не мог расстаться с мечтой о государственной деятельности и привыкнуть к новому положению бездеятельного эмигранта. Позволительно поэтому думать, что эти старые, затаенные, честолюбивые мечты играли некоторую роль среди побуждений, руководивших Тургеньевым в 1826 году⁵⁶.

Почву для подобных честолюбивых мечтаний могли давать сведения, доходившие из России.

После завершения суда над декабристами в государстве остро встал вопрос о необходимости скорейших масштабных реформ, в первую очередь — реформ в администрации, замена скомпрометировавших или показавших свою неспособность деятелей прежнего царствования. Еще 28 августа 1826 года фон Фок писал Бенкендорфу: «Теперь, или никогда, самое время приступить к реформам в судебном и административном ведомствах, не действуя, впрочем, слишком решительно. Этого ожидают с величайшим нетерпением, и все, в один голос, кричат об этом. Только люди, не понимающие собственной своей пользы, могут быть против этой реформы, столь настоятельно требуемой»⁵⁷. Ожидание реформ буквально пронизывало общественную атмосферу, о чем выразительно свидетельствует одна из докладных записок Фаддея Булгарина, переписанная тем же фон Фоком в октябре 1826 года: «Перемен в министерствах ожидают как жида мессии»⁵⁸.

Однако успешному осуществлению ожидаемых преобразований фатально мешал дефицит кадров. Это отчетливо осознавалось людьми на разных этажах общества. Так, будущий литератор, профессор и цензор А. Никитенко (в ту пору — еще студент Петербургского университета) записывает в своем дневнике 8 ноября 1826 года:

Нынешний государь знает науку царствовать. Говорят, он неутомим в трудах, все сам рассматривает, во все вникает. <...> Ему недостает, однако, главного, а именно людей, которые могли бы быть ему настоящими помощниками. У нас есть при-

55 Основная работа над ней шла с начала сентября до 18 октября; в ноябре были сделаны дополнения.

56 *Шебунин А. Н.И.* Тургенев в тайном обществе декабристов // *Декабристы и их время.* Труды Московской и Ленинградской секций по изучению декабристов и их времени. Т. I. М.: Издательство политехнорган, 1929. С. 124–125.

57 Петербургское общество при восшествии на престол императора Николая... С. 327. О том же фон Фок пишет в письме от 4 сентября (Там же. С. 520).

58 Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение / Изд. подг. А.И. Рейтблат. М.: Новое литературное обозрение, 1998. С. 74.

дворные, но нет министров; есть люди деловые, но нет людей с умом самостоятельным и душою возвышенною. Один Сперанский⁵⁹.

Вопрос о реформах и обновлении кадров живо обсуждался осенью 1826 года и в ближайшем московском окружении Пушкина. П.А. Вяземский (вообще настроенный по отношению к ожидающимся переменам весьма скептически) часто пишет об этом А.И. Тургеневу. В письме от 27–28 ноября 1826 года Вяземский дает волю своему скептицизму: «Много перемен ожидали к 20-му, но, кажется, никаких не было. Я уверен, что все пойдет по-старому». В приписке к тому же письму, сообщая свежие административные новости, он резюмирует: «Ни одного еще истинно хорошего назначения не было. Нескольких плутов столкнули, но выбирали на замещение из той же сотни, или из той же толпы, потому что сотня честных и умных людей, если сотня их на Руси наберется, еще не тронута и сохнет на корне»⁶⁰.

Эти ожидания и назначения, несомненно, живо обсуждались в московском «арзамасском» кругу. Но если Вяземский был настроен скептически, то Пушкин был еще преисполнен надежд. Недавний разговор с императором, в котором, возможно, затрагивался вопрос о необходимости многообразных «преобразований», заставлял его смотреть на ожидавшиеся перемены с достаточным оптимизмом.

Этим и можно объяснить появление в «Стансах» образа Долгорукого — смелого критика действий высшей власти и *в то же время* сподвижника царя-преобразователя, крупного администратора, председателя ревизион-коллегии, контролировавшей все казенные доходы и расходы. В некотором роде Николай Тургенев оказывался коллегой Якова Долгорукого: еще весной 1825 года министр финансов Е.Ф. Канкрин отправил ему предложение (одобренное императором Александром) вступить в управление Департаментом Мануфактур и внутренней торговли (с сохранением места в Государственном Совете)⁶¹. Предлагаемая должность в перспективе открывала прямой путь к креслу министра финансов.

О том, что подобная карьера для Тургенева в благоприятных условиях представлялась вполне вероятной, свидетельствуют «Записки» Н.И. Греча (лично относившегося к Тургеневу без особых симпатий): «Жаль, что Россия не пользовалась умом, дарованиями и познаниями этого необыкновенного человека. Он сделался бы превосходным министром финансов или юстиции. А там Вронченко, Брок, Панин!»⁶².

Вполне возможно, что сведения об ожидающемся обновлении государственного аппарата (и вместе с тем — о недостатке необходимых для него кадров) и разбудили в Тургеневе честолюбивые надежды, путь к реализации которых он видел в новой попытке самооправдания. В то же самое время Пушкин в «Стансах» пытался поэтически «пролоббировать» возможность возобновления государственной карьеры Тургенева в условиях «последекабрьской» реальности.

59 Никитенко А.В. Дневник: В 3 т. / Подгот. текста, вступ. ст. и примеч. И.Я. Айзенштока. Т. 1. М.: ГИХЛ, 1955. С. 34.

60 Архив братьев Тургеневых. Вып. 6. С. 51, 52.

61 См. комментарий (№ 123) А.Р. Курилкина в изд: *Тургенев Н.И.* Россия и русские. С. 677.

62 Греч Н.И. Записки о моей жизни. Текст по рукописи под ред. и с комментариями Иванова-Разумника и Д.М. Пинеса. М.; Л.: Academia, 1930. С. 500–501.

«И памятью, как он, незлобен»

Итак, для того, чтобы наметить возможное сближение власти и «оппозиции», Пушкину понадобилось *противопоставить* участников мятежа на Сенатской площади и независимого политического мыслителя и экономиста. Не означает ли это необходимость пересмотреть традиционное толкование не только первой, но и последней строфы «Стансов», согласно которому поэт здесь надеялся «путем своих призывов склонить Николая к амнистии декабристов»⁶³?

Как известно, в первой редакции стихотворения строфа с призывом к Николаю быть «незлобным памятью», шла сразу за строфой о Долгоруком (в рукописи — которую Б.В. Томашевский характеризует как «клочок» — до нас не дошедшей, но, несомненно, уже написанной). Не означает ли это, что и этот призыв относится не к судьбе находящихся на каторге декабристов, а к Н.И. Тургеневу?

Не будем, однако, торопиться с выводами. Прежде всего, Николай Тургенев, согласно Пушкину, вообще невиновен и, следовательно, для злопамятства по отношению к нему у государя вообще нет оснований: необходимо лишь исправить недоразумение⁶⁴. Иное дело — сосланные декабристы.

Из ряда источников (восходящих как к Пушкину, так и к Николаю) мы знаем, что во время аудиенции в Чудовом дворце на прямой вопрос императора — где бы он был, если бы в день 14 декабря оказался в Петербурге? — Пушкин ответил, что, в силу биографических связей с мятежниками, оказался бы на Сенатской площади. Эту рыцарскую честность Николай не оценил (через 20 с лишним лет он пересказывал пушкинский ответ с явным неодобрением⁶⁵). Однако этим ответом разговор Пушкина с царем о делах и людях 14 декабря не закончился.

Мы имеем на этот счет чрезвычайно интересный рассказ в «Истории жизни и царствования императора Николая I» Поля Лакруа. Согласно Лакруа, Пушкин во время аудиенции «честно и искренне воздал государю хвалу за мужество и величие души, явленные Его Величеством на глазах у всех в день 14 декабря, но не мог не выразить сожаления о судьбе многих возмутителей этого рокового мятежа, обманутых и ослепленных своим патриотизмом, тогда как при лучшем направлении они могли бы принести истинную пользу своему отечеству»⁶⁶.

Достоверность первого пункта этого сообщения подтверждается записками М. Корфа (царь — в его пересказе — сообщает о Пушкине: «...он наговорил мне пропасть комплиментов насчет 14 декабря»⁶⁷). Достоверность же сообщения о заявленном сочувствии «возмутителям рокового мятежа» подтверждается рассказом декабриста Лорера, восходящим к Сергею Львовичу Пушкину (в свою очередь, несомненно, пересказывавшему брата):

63 *Благой Д.Д.* Творческий путь Пушкина (1826–1830). С. 136.

64 Пушкин не подозревал, что по отношению к Тургеневу Николай питал острую личную ненависть.

65 См.: *Корф М.А.* Из записок барона (впоследствии графа) М.А. Корфа // Русская старина. 1900. Т. 101. Март. С. 574.

66 *Lacroix P. (Bibliophile Jacob).* Histoire de la vie et du règne de Nicolas Ier, empereur de Russie. T. 1. Paris: Librairie de L. Hachette et Compagnie, 1864. P. 399.

67 *Корф М.А.* Из записок барона (впоследствии графа) М.А. Корфа. С. 574.

— Вы были дружны со многими из тех, которые в Сибири, — продолжал государь.
— Правда, государь, я многих из них любил и уважал и продолжаю питать к ним те же чувства⁶⁸.

Судьба декабристов — несмотря на все политические разногласия с ними — была предметом острого и напряженного внимания Пушкина с конца 1825 года вплоть до последних лет его жизни⁶⁹. Прежде всего речь шла о судьбе лицейских друзей, участвовавших в восстании: Вильгельме Кюхельбекере и Иване Пущине. О них он писал из Михайловского Дельвигу 20 февраля 1826 года. О Кюхельбекере (и, возможно, о Пущине) он говорил с царем. О них он, по видимому, думал и в пору работы над «Стансами». Однако и в «Истории» Ларкрау, и в Записках Лорера подчеркивается, что в разговоре с царем Пушкин сочувственно упоминал о *многих* заговорщиках и мятежниках.

Кто входил в эту категорию? Видимо, частью те, кто не принимал непосредственного участия в вооруженном мятеже и виноват был не в действиях, а разве в смелых мыслях (среди них такие крупные фигуры, как Н. Муравьев). Частью же те, кто оказался на Сенатской площади под влиянием «ослепляющего патриотизма» (к их числу Пушкин, несомненно, относил Ивана Пущина). И, видимо, о них и идет речь в строфе, где Николай прямо призывается быть «не злобным» памятью.

Этот призыв обретает особый смысл в свете официальной репутации Николая как великодушного и милосердного монарха, утвердившейся во время процесса над декабристами. Пушкин, соотнося эту репутацию с образом «незлобного памятью» Петра, побуждает царя к новым акциям милосердия.

Вероятно, именно для выделения мотива милости по отношению к «виновным» (то есть сосланным декабристам) как самостоятельной темы и для устранения возможностей иного прочтения Пушкин отделяет строфу о незлопамятстве от строфы о Долгоруком (имеющей «тургеневский» подтекст) и помещает ее в финал, придавая ей тем самым особое значение и повышенную семантическую нагрузку.

В подтексте же призыва сквозит мысль, которую мог адекватно понять только тот, кто слышал рассуждения Пушкина о патриотизме, — то есть адресат «Стансов» Николай: если патриотизму дать верное направление, то и вчерашние жертвы заблуждений смогут принести немалую пользу отечеству. Прощение их окажется не только актом милосердия, но и актом государственной мудрости.

О том, что подобный ход мысли был вообще не чужд представителям умеренно либерального дворянства, свидетельствуют воспоминания М.А. Дмитриева, сменившего И. Пущина в должности московского совестного судьи. Размышляя о суде над заговорщиками и мятежниками, он писал (настаивая на том, что воспроизводит суждения 1820-х годов: «так судили об этом вскоре после происшествия, так судят беспристрастные люди и теперь, по прошествии почти сорока лет»⁷⁰):

68 Лорер Н.И. Записки декабриста. Иркутск: Восточно-сибирское книжное издательство, 1984. С. 205

69 Из необозримой литературы на тему «Пушкин и декабристы» в интересующем нас аспекте особый интерес представляет монография: Невелев Г.А. Пушкин «об 14-м декабря»: Реконструкция декабристского документального текста. СПб.: Технологос, 1998.

70 Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни / Подгот. текста и примеч. К.Г. Боленко, Е.Э. Ляминой и Т.Ф. Нещумовой. М.: Новое литературное обозрение, 1998. С. 244.

Если бы Николай Павлович оказал при этом царское великодушие, наказал легко и временно, и то немногих, он приобрел бы себе сердца всех этих людей, а Россия приобрела бы в них людей способных, которые со временем, получивши опытность, могли бы быть людьми государственными, потому что в уме и сведениях у них недостатка не было!⁷¹

Иначе говоря, в широком плане, пушкинские «Стансы» отражали настроения и ожидания довольно широких кругов «дворянской интеллигенции». В плане более локальном, они отражали настроения и ожидания «арзамасского» кружка, объединявшего представителей разных идеологических спектров и носителей разных политических симпатий — от умеренного либерализма до «либерального консерватизма». Власть, вообще заинтересованная в квалифицированном идеологическом и литературном обслуживании постдекабрьского режима, проявляла интерес к этому кружку. Из него вышли Блудов (редактор Донесения Следственной Комиссии) и Дашков, которые будут сделаны статс-секретарями и скоро получат министерские должности, и Жуковский — воспитатель наследника престола. Несомненно, свои виды власть имела и на Пушкина.

Представители кружка в свою очередь рассчитывали на возможность влияния на «правительство» — единственную в постдекабрьской России реальную политическую силу, персонификацией которой выступал монарх. Надежды влиять и на общий курс правительства, и на его конкретные решения были в высокой степени свойственны Жуковскому (как свидетельствуют его письма и (особенно) его недавно опубликованные дневники). Не были чужды подобные надежды и Пушкину, особенно в тот период, когда он находился под обаянием недавней личной встречи и беседы с царем.

Принимая предложенные властью «правила игры» (в частности, оперируя разработанной ею политической мифологией), он вместе с тем рассчитывал именно как поэт выступать в роли самостоятельной и достаточно авторитетной силы, к которой «правительство» должно было прислушиваться. Эти представления окрашивают и «Стансы».

Между тем император Николай на перспективы участия «дворянской интеллигенции» в государственных делах смотрел совершенно по-иному. К ее претензиям играть роль почти равноправного союзника (и, тем более, советчика) власти он относился с подозрительностью, причины которой убедительно определил А.Е. Пресняков: «Дворянство для него, прежде всего, — служилая среда, которую он стремится дисциплинировать и удержать в положении покорного орудия власти»⁷². Всякие претензии на «политическую субъектность» и на возможность влияния на государственную политику им решительно отвергались.

Ни стихи Пушкина, ни ходатайства Жуковского, ни даже благие намерения будущих «молодых министров» не могли иметь никакого практического значения ни в плане общего направления государственной политики, ни в судьбах конкретных лиц.

В 1826 году Пушкин этого еще не осознавал.

⁷¹ Там же. С. 245.

⁷² Пресняков А.Е. Николай I // Пресняков А.Е. Российские самодержцы. М.: Книга, 1990. С. 257.

Библиография / References

- Андреева Т.В.* Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб.: Лики России 2009.
- (*Andreeva T.V.* Tainye obshchestva v Rossii v pervoi treti XIX v.: pravitel'stvennaya politika i obshchestvennoe mnenie. Saint Petersburg, 2009.)
- Благой Д.Д.* Творческий путь Пушкина (1826–1830). М.: Советский писатель, 1967.
- (*Blagoi D.D.* Tvorcheskii put' Pushkina (1826–1830). Moscow, 1967.)
- Высочков Л.В.* Два императора: образ Петра Великого как идеологическая модель царствования Николая I // Русско-Византийский вестник. 2023. № 1 (12). С. 130–145.
- (*Vysochkov L.V.* Dva imperatora: obraz Petra Velikogo kak ideologicheskaya model' tsarstvovaniya Nikolaya I // Russko-Vizantiiskii vestnik. 2023. No. 1 (12). P. 130–145.)
- Габаев Г.С.* Гвардия в декабрьские дни 1825 года: Военно-историческая справка // Пресняков А.Е. 14 декабря 1825 года. С приложением военно-исторической справки Г.С. Габаева «Гвардия в декабрьские дни 1825 года». М.; Л.: Государственное издательство, 1926. С. 155–206.
- (*Gabaev G.S.* Gvardiya v dekabr'skie dni 1825 goda: Voenno-istoricheskaya spravka // Presnyakov A.E. 14 dekabrya 1825 goda. S prilozeniem voenno-istoricheskoi spravki G.S. Gabaeva «Gvardiya v dekabr'skie dni 1825 goda». Moscow; Leningrad, 1926. P. 155–206.)
- [*Модзалевский Б.Л.*] Каталог библиотеки села Тригорского // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Вып. 1. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1903. С. 19–52.
- ([*Modzalevskii B.L.*] Katalog biblioteki sela Trigor'skogo // Pushkin i ego sovremenniki: Materialy i issledovaniya. Vol. 1. Saint Petersburg, 1903. P. 19–52.)
- Модзалевский Б.Л.* Пушкин под тайным надзором // Модзалевский Б.Л. Пушкин и его современники: Избранные труды (1898–1928) / Сост. и примеч. А.Ю. Балакина. СПб.: Искусство-СПБ, 1999. С. 67–129.
- (*Modzalevskii B.L.* Pushkin pod tainym nadzorom // Modzalevskii B.L. Pushkin i ego sovremenniki: Izbrannye trudy (1898–1928) / Ed. by A.Yu. Balakin. Saint Petersburg, 1999. P. 67–129.)
- Невелев Г.А.* Пушкин «об 14-м декабря»: Реконструкция декабристского документального текста. СПб.: Технологос, 1998.
- (*Nevelev G.A.* Pushkin «ob 14-m dekabrya»: Rekonstruktsiya dekabrist'skogo dokumental'nogo teksta. Saint Petersburg, 1998.)
- Осповат К.А.* Об «одическом диптихе» Пушкина: «Стансы» и «Друзьям» (материалы к интертекстуальному комментарию) // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999: Материалы и исследования / Под ред. Д.М. Бетеа, А.Л. Осповата, Н.Г. Охотина, Л.С. Флейшмана. М.: ОГИ, 2001. С. 133–142.
- (*Ospovat K.A.* Ob «odicheskom diptikhe» Pushkina: «Stansy» i «Druz'yam» (materialy k intertekstual'nomu kommentariyu) // Pushkinskaya konferentsiya v Stenforde, 1999: Materialy i issledovaniya / Ed. by D.M. Bethea, A.L. Ospovat, N.G. Okhotin, L.S. Fleishman. Moscow, 2001. P. 133–142.)
- Парсамов В.С.* Николай Тургенев // Тургенев А.И., Тургенев Н.И. Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 47–83.
- (*Parsamov V.S.* Nikolai Turgenev // Turgenev A.I., Turgenev N.I. Izbrannye trudy. Moscow, 2010. P. 47–83.)
- Пресняков А.Е.* 14 декабря 1825 года. С приложением военно-исторической справки Г.С. Габаева «Гвардия в декабрьские дни 1825 года». М.; Л.: Государственное издательство, 1926.
- (*Presnyakov A.E.* 14 dekabrya 1825 goda. S prilozeniem voenno-istoricheskoi spravki G.S. Gabaeva «Gvardiya v dekabr'skie dni 1825 goda». Moscow; Leningrad, 1926.)
- Пресняков А.Е.* Николай I // Пресняков А.Е. Российские самодержцы. М.: Книга, 1990. С. 247–302.
- (*Presnyakov A.E.* Nikolai I // Presnyakov A.E. Rossiiskie samodержttsy. Moscow, 1990. P. 247–302.)
- Сидяков Л.С.* Примечания // Стихотворения Александра Пушкина / Изд. подг. Л.С. Сидяков; отв. ред. Ю.М. Лотман, С.А. Фомичёв. СПб.: Наука, 1997. С. 458–623.
- (*Sidyakov L.S.* Primechaniya // Stikhotvoreniya Aleksandra Pushkina / Ed. by L.S. Sidyakov. Saint Petersburg: Nauka, 1997. P. 458–623.)
- Уортман П.С.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии / Авторизованный пер. С.В. Житомирской. Т. I. М.: ОГИ, 2002.

(Wortman R.S. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. 1. Moscow, 2002. — In Russ.)

Шебунин А. Н.И. Тургенев в тайном обществе декабристов // *Декабристы и их время.* Труды Московской и Ленинградской секций по изучению декабристов и их времени. Т. I. М.: Издательство политкаторжан, 1929. С. 109–164.

(*Shebunin A. N.I.* Turgenev v tainom obshchestve dekabristov // *Dekabristy i ikh vremena.* Trudy Moskovskoi i Leningradskoi seksii po izucheniyu dekabristov i ikh vremeni. T. I. Moscow, 1929. P. 109–164.)

Шебунин А.Н. Пушкин по неопубликованным материалам архива братьев Тургеневых // *Пушкин: Временник Пушкинской комиссии.* [Вып.] 1. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1936. С. 196–200.

(*Shebunin A.N.* Pushkin po neopublikovannym materialam arkhiva brat'ev Turgenevykh // *Pushkin: Vremennik Pushkinskoi komissii.* Vol. 1. Moscow; Leningrad, 1936. P. 196–200.)

Эйдельман Н.Я. Пушкин: из биографии и творчества. 1826–1837. М.: Художественная литература, 1987.

(*Eidel'man N.Ya.* Pushkin: Iz biografii i tvorchestva. 1826–1837. Moscow, 1987.)